Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе

МОМОТОВ Виктор Викторович, секретарь Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса Верховного Суда Российской Федерации, председатель Совета Судей Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 15
E-mail: toporkova_nv@vsrf.ru

Статья посвящена исследованию юридических и экономико-правовых аспектов распространения договорных конструкций в процессуально-правовой сфере. Актуальность выбранной темы обусловлена тенденциями рационализации и прагматизации права, укреплением позиций школы экономического анализа права, а также инициативами Верховного Суда Российской Федерации (в частности, предложениями о расширении примирительных процедур и об отказе от института договорной подсудности).

Цель исследования — выявление сферы применения института договора в судебном процессе на основе разумного баланса публичного и частного интересов. Задачи исследования — анализ исторического и сравнительно-правового контекста экспансии договорных конструкций, оценка предложений высшей судебной инстанции применительно к рассматриваемой теме.

При проведении исследования использованы системный, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Отмечено, что ценность договора в судебном процессе определяется снижением издержек сторон по урегулированию конфликта и правоприменительных издержек государства. Однако достаточные экономические стимулы для развития договора в процессуально-правовой сфере не созданы, поскольку примирительные процедуры оказываются значительно более затратными, чем разрешение спора судом. В связи с этим ожидается позитивный эффект от предложений Верховного Суда по развитию института судебного примирения и отказа от утратившего какой-либо реальный смысл института договорной подсудности. Обращено внимание на позитивное значение договора для распределения судебных издержек и развития судебного представительства. Также представлен критический анализ института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе, основанного на англо-американской модели судопроизводства и нуждающегося в дополнительном осмыслении применительно к российскому правопорядку, относящемуся к континентально-правовой системе.

Ключевые слова: договор, мировое соглашение, медиация, размер государственной пошлины, судебные расходы, договорная подсудность, досудебное соглашение.

Economic and Legal Value of the Contract in Court Proceedings

V. V. MOMOTOV, secretary of the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation, judge of the highest qualification class of the Supreme Court of the Russian Federation, chairman of the Council of Judges of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor 15, Povarskaya st., Moscow, Russia, 121260
E-mail: toporkova_nv@vsrf.ru

The article is devoted to the study of legal and economic-legal aspects of the distribution of contractual structures in the procedural and legal sphere. The relevance of the chosen topic is due to the trends of rationalization and pragmatization of law, strengthening the position of the school of economic analysis of law, as well as the initiatives of the Supreme court of the Russian Federation (in particular, proposals to expand conciliation procedures and the rejection of the institution of contractual jurisdiction).

The purpose of this study is to identify the scope of application of the Institute of contract in the judicial process on the basis of a reasonable balance of public and private interests. The objectives of the study are to analyze the historical and comparative legal context of the expansion of contractual structures, evaluation of proposals of the highest court in relation to the topic under consideration.

The study used systemic, historical and legal, comparative legal, formal legal methods.

According to the results of the study, attention is drawn to the fact that the value of the contract in the judicial process is determined by reducing the costs of the parties to resolve the conflict and the law enforcement costs of the state. At the same time, it is stated that at present there are no sufficient economic incentives for the development of the Treaty in the procedural and legal sphere, since conciliation procedures are much more expensive than the resolution of the dispute by the court. In this regard, a positive effect is expected from the proposals of the Supreme Court on the development of the institution of judicial reconciliation and the rejection of the institution of contractual jurisdiction that has lost any real meaning. Attention is drawn to the positive value of the contract for the distribution of legal costs and the development of judicial representation. In addition, the article presents a critical analysis of the institution of pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings, based on the Anglo-American model of legal proceedings and requiring additional understanding in relation to the Russian legal order relating to the continental legal system.

Keywords: contract, settlement agreement, mediation, the size of the state fee, court costs, contractual jurisdiction, pre-trial agreement.

DOI: 10.12737/art_2019_1_2

Распространение цивилистических конструкций за пределы отрасли гражданского права является частью современных реалий. Договор в этом отношении не одинок: институты юридического лица, ограниченных вещных прав и деликтных обязательств, зародившиеся в гражданском праве, постепенно проникли и в сферу публичного права.

Такое явление вполне объяснимо в контексте тенденции прагматизации права, которая предопределяет экспансию наиболее удобных юридических конструкций, позволяющих эффективно достигать целей правового регулирования. Договор как инструмент индивидуального-правового регулирования особенно удобен тем, что позволяет, с одной стороны, в максимальной степени учесть потребности и пожелания участников правоотношений, а с другой — снизить правотворческие и правоприменительные издержки государства.

Ценность договора проявляется еще и в том, что он представляет собой воплощенный принцип добросовестности. Этот принцип обязаны соблюдать все субъекты гражданских правоотношений, и он в равной мере распространяется на всех участников договора, а значит, их согласованная воля — это своего рода юридически оформленный «акт общей добросовестности». В случае если договор нарушает принцип доб-

росовестности, он подлежит признанию недействительным как «акт злоупотребления правом».

Неудивительно, что сторонники экономического анализа права возносят договор на пьедестал правовой системы. Договорное регулирование общественных отношений благодаря своей гибкости позволяет достичь максимальной выгоды при минимальных издержках; а ведь в этом и состоит задача участников свободного рынка.

В настоящее время договорные конструкции прочно обосновались не только в материально-правовой, но и в процессуально-правовой сфере. Одной из приоритетных функций договора в судебном процессе является мирное урегулирование спора по соглашению сторон. Именно мировое соглашение входит в число древнейших процессуальных институтов.

Добровольное возложение на себя субъективных обязанностей, способность к выстраиванию отношений на основе взаимных уступок являются признаками зрелого гражданского общества, свободного от патерналистских настроений. Не случайно учрежденный в ходе Судебной реформы 1864 г. институт мировой юстиции изначально был ориентирован прежде всего на содействие примирению сторон.

Разрешение спора по соглашению сторон имеет не только правовую, но

и экономическую ценность. Во-первых, для участников спора эта ценность выражается в тех материальных благах, которые стороны добровольно предоставят друг другу в результате мирного урегулирования спора. Во-вторых, добровольное исполнение мирового соглашения требует меньших издержек, чем принудительное исполнение судебного акта. В-третьих, мировое соглашение является актом социальной справедливости. Оно предоставляет сторонам возможность урегулировать спор по собственному усмотрению, а не по усмотрению государства в лице судьи.

Мировое соглашение по своей юридической силе издревле приравнивалось к судебному решению. Такой статус сохраняется за ним по сей день: заключение мирового соглашения влечет прекращение производства по делу и выдачу исполнительного листа. Тем самым стороны освобождают суд от необходимости дальнейшего разбирательства дела и вынесения решения.

Принципиальные содержательные отличия мирового соглашения от обычного материально-правового договора отсутствуют, чему есть немало свидетельств в правоприменительной практике.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» разъяснено, что положения о порядке одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью распространяются на мировые соглашения. Тем самым подчеркивается, что у мирового соглашения имеется много общего с общегражданскими сделками.

Нередко в качестве особенности мирового соглашения по сравнению с гражданско-правовыми договорами указывается, что мировое соглашение не может быть утверждено судом, если оно нарушает права и законные интересы третьих лиц либо

публичные интересы. Однако данная характеристика подтверждает не различия между мировым соглашением и гражданским договором, а, напротив, их сходство, поскольку те же самые требования предъявляются и к гражданско-правовым сделкам.

Пунктом 3 ст. 308 ГК РФ предусмотрено, что обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). В силу ст. 166 ГК РФ нарушение сделкой прав и законных интересов третьих лиц является основанием для признания ее недействительной, а нарушение сделкой публичных интересов — основанием для применения судом последствий ее недействительности по собственной инициативе.

Таким образом, концептуальные отличия между мировыми соглашениями и гражданско-правовыми сделками отсутствуют. Разница между этими институтами носит процессуальный характер: мировое соглашение вступает в силу с момента его утверждения судом, а не с момента согласования сторонами всех существенных условий договора, и принудительно исполняется путем получения исполнительного листа. Кроме того, мировое соглашение оспаривается не путем предъявления иска о признании его недействительным, а путем обжалования определения суда, которым утверждено это соглашение.

На первом этапе развития мировых соглашений их применение в публично-правовых спорах было запрещено. Например, ст. 1289 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. предусматривалось, что дела казенных управлений не могут быть окончены в суде примирением спорящих сторон.

В настоящее время Кодексом административного судопроизводства РФ предусмотрена возможность прекращения административного спора путем утверждения соглашения о примирении сторон.

Причина такой экспансии мирового соглашения заключается в прагматическом подходе к этому институту: если мировое соглашение не нарушает чьих-либо прав и публичных интересов, то какие-либо рациональные основания для запрета его заключения в административном судопроизводстве отсутствуют.

К сожалению, одновременно с ростом числа рассматриваемых судами дел наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа мировых соглашений и их доли в общем количестве судебных споров. В 2015 г. при общем количестве рассмотренных судами гражданских и административных дел, достигшем 15 млн 800 тыс., мировые соглашения были заключены всего по 121 тыс. дел (0,8%). В 2016 г. этот показатель составил уже 103 573 мировых соглашений из 18 млн дел (0,7%), а в 2017 г. — 94 тыс. мировых соглашений из 20 млн дел (0,5%).

Аналогичная тенденция наблюдается применительно к еще одному договорному механизму урегулирования судебного спора — соглашению о медиации, которое предусматривает использование услуг профессионального посредника для мирного разрешения конфликта. Приходится признать, что фактически институт медиации в российском судопроизводстве не функционирует. Примирительные процедуры с участием медиаторов используются менее чем в 0,01% гражданских споров.

Представляется, что причина продолжающегося снижения количества мировых соглашений и фактической неработоспособности медиативных процедур состоит в отсутствии реальных экономических стимулов к мирному урегулированию правовых конфликтов. И медиативные услуги, и самостоятельное ведение переговоров о заключении мирового соглашения требуют определенных финансовых, временных и трудовых затрат, а также взаимных имущественных уступок.

В отличие от этих процедур правосудие сегодня стало практически бесплатным способом разрешения индивидуальных частноправовых споров, о чем свидетельствует прежде всего размер государственной пошлины, уплачиваемой при обращении в суд.

Средний размер государственной пошлины, уплачиваемой при подаче иска в суд, не превышает 1000 руб. При подаче апелляционных жалоб, рассматриваемых в коллегиальном порядке, госпошлина составляет 327 руб. в судах общей юрисдикции, а в арбитражных судах — 1142 руб. При подаче кассационных жалоб в суды общей юрисдикции заявители в среднем выплачивают по 297 руб., а в арбитражных судах — по 1281 руб.

В то же время в европейских правовых порядках размер государственной пошлины может достигать 25% от заявленной суммы исковых требований, и эта сумма возрастает по мере прохождения дела в вышестоящих судебных инстанциях. В Российской Федерации складывается противоположная ситуация: размер государственной пошлины в большинстве случаев не превышает 1% от суммы заявленных требований, а ее размер снижается по мере прохождения вышестоящих судебных инстанций.

Подобная ситуация выглядит еще более абсурдной с учетом того, что около 90% денежных сумм взыскиваются судами в пользу коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, т. е. профессиональных участников рыночных отношений, способных уплатить адекватную государственную пошлину. Возникает вопрос: почему бы не оптимизировать размер госпошлины хотя бы для этих категорий истцов?

В настоящее время как граждане с небольшим достатком, так и экономически благополучные лица уплачивают государственную пошлину в одинаковом размере. В ре-

зультате крупные хозяйственные споры рассматриваются судами не за счет участников этих споров, а за счет других налогоплательщиков, не имеющих к этим спорам никакого отношения. В условиях дифференциации общества такая ситуация не может быть признана справедливой. Частные экономические споры, не связанные с защитой социальных прав граждан, должны рассматриваться за счет их участников.

Мизерный размер государственной пошлины в российских судах делает примирение сторон экономически нецелесообразным, поскольку разрешение спора судом оказывается более дешевым, а точнее — почти бесплатным способом разрешения конфликта.

Результатом подобной ситуации стало то, что одновременно со снижением эффективности примирительных процедур нагрузка на суды растет беспрецедентными темпами. Каждый год она возрастает на 8—10%: таких примеров нет ни в одном развитом правовом порядке. Если не принять срочных мер к оптимизации судебной нагрузки, то складывающаяся ситуация создаст реальную угрозу качеству рассмотрения дел и соблюдению процессуальных сроков.

Поэтому, предлагая обсудить вопрос об оптимизации размера государственной пошлины, судебское сообщество ни в коей мере не стремится за счет такой оптимизации улучшить финансирование судов, тем более что проблем в этой сфере судебная система не испытывает. Наша цель — защитить правосудие как самостоятельную ценность.

Отсутствие инициатив по соразмерному повышению государственной пошлины Верховный Суд РФ в пределах своей компетенции принимает меры к реанимированию института договорного примирения сторон.

21 марта 2018 г. Верховный Суд внес в Государственную Думу пакет законодательных инициатив,

направленных на развитие примирительных процедур¹. Их цель состоит в расширении перечня форм примирения сторон, повышении активности суда в организации такого примирения. В частности, предлагается предоставить суду право по собственной инициативе приостановить производство по делу для проведения примирительных процедур. Законопроекты предусматривают распространение института примирения не только на гражданское, но и на административное судопроизводство.

Право выступать судебными примирителями может быть предоставлено судьям, пребывающим в отставке. Имеющиеся у них опыт и глубокие знания закона позволят существенно повысить эффективность примирительных процедур.

Инициатива Верховного Суда предполагает возможность установления гибкой системы оплаты работы судебного примирителя — в частности, расходы на оплату этой работы могут быть компенсированы из сумм, уплаченных в счет государственной пошлины, либо из средств специального фонда. Тем самым будет обеспечено получение участниками спора квалифицированной юридической помощи без каких-либо дополнительных издержек. Это повысит эко-

¹ См. проект федерального конституционного закона № 421476-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Верховном Суде Российской Федерации” в связи с совершенствованием примирительных процедур» (URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421476-7>); проект федерального закона № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» (URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421600-7>); проект федерального закона № 421494-7 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» (URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421494-7>).

номическую привлекательность примирительных процедур.

Институт договора открывает новые возможности для реализации принципа оказания квалифицированной юридической помощи, развития рынка судебного представительства. В частности, такие договорные конструкции, как «гонорар успеха» и «судебное инвестирование», способны оказать серьезное влияние на повышение доступности юридической помощи и улучшение ее качества.

Применительно к судебному процессу правовая и экономическая ценность договора также имеет высокое значение при распределении судебных расходов.

Действующее процессуальное законодательство предоставляет суду возможность снизить размер судебных расходов, взыскиваемых с проигравшей стороны спора, до разумных пределов. К сожалению, нередко использование судом этого права приводит к тому, что судебные расходы без каких-либо объективных причин уменьшаются в 5, 10, а то и в 20 раз. Их необоснованное снижение приводит к девальвации ценности договора, заключенного между судебным представителем и его доверителем.

Отметим, что внедрение в судебный процесс договорных механизмов не всегда является уместным и не во всех случаях приводит к позитивным результатам.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся с институтом договорной подсудности. Этот институт позволяет сторонам изменить территориальную подсудность спора, т. е., по сути, перенести рассмотрение дела из того суда, в котором он должен быть рассмотрен согласно процессуальному закону, в другой суд, который стороны указали в договоре.

Практическое применение этого института привело к тому, что сегодня почти одна пятая часть всех судебных споров разрешается в судах

московского региона — г. Москве и Московской области. Нередки ситуации, когда выбранный сторонами суд не связан ни с местонахождением сторон, ни с характером спорного правоотношения. В подобных случаях возникает вопрос об истинных мотивах, которыми руководствовались стороны при выборе компетентного суда.

В Российской Федерации сформировано единое правовое пространство, а суды в соответствии с принципом правовой определенности единообразно толкуют и применяют закон. Поэтому перенос дела из одного суда в другой не имеет каких-либо рациональных оснований и никак не влияет на исход дела. В связи с этим пришло время отказаться от института договорной подсудности, сделав исключение только для споров с участием иностранных лиц, поскольку в таких спорах договорная подсудность нередко становится единственно возможным способом определить компетентный суд.

Отказ от института договорной подсудности не приведет к ущемлению процессуальных прав экономически слабых лиц, нуждающихся в дополнительной правовой защите. Для таких лиц в процессуальном законодательстве предусмотрен институт подсудности по выбору истца, который позволяет гражданину как слабому участнику правоотношений выбрать наиболее удобный суд с точки зрения доступности правосудия. В частности, в спорах о защите прав потребителей, пенсионных, жилищных, трудовых и иных наиболее значимых прав истец вправе предъявить иск в суд по месту своего жительства.

Предложение об ограничении института договорной подсудности не является беспрецедентным и учитывает практику других правовых порядков. В частности, в п. 1 ст. 40 Гражданского процессуального уложения Германии 1996 г. предусмотрено, что соглашение о подсудности

не имеет юридической силы, если оно никак не связано с конкретным правоотношением или вытекающим из него спором.

В качестве еще одного примера договорных конструкций в судебном процессе, к которым следует подходить с осторожностью, можно привести соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве.

Этот институт зародился в американском праве в начале XIX в. Его основой служит подход, согласно которому проведение полноценного судебного разбирательства в случае, если подсудимый признает свою вину, экономически неэффективно, поскольку издержки, необходимые для проведения судебного разбирательства, значительно выше издержек, необходимых для проведения переговоров о заключении досудебного соглашения. С точки зрения экономического анализа права сделка с правосудием состоит в предоставлении обвиняемому компенсации (смягчения наказания) в обмен на лишение его определенных процессуальных гарантий, которыми он мог бы воспользоваться в случае рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

По экспертным оценкам, благодаря институту досудебного соглашения около 90% уголовных дел в США не проходят полноценную процедуру судебного разбирательства. Этот институт имеет и сильные, и слабые стороны. К его преимуществам следует отнести прежде всего обеспечение процессуальной экономии при рассмотрении уголовных дел.

Однако у досудебных соглашений о сотрудничестве есть обратная сторона. Как бы детально они ни были урегулированы на законодательном уровне, из них невозможно изжить элемент торга. Возникает вопрос: насколько далеко готов зайти обвиняемый в стремлении улучшить свое положение?

Нельзя списывать со счетов и различия между российским и американским процессуальным правом. В США процесс носит формальный характер: приоритет отдается соблюдению формальных процедур при пассивной роли суда. В континентальной системе права, частью которой является российский правовой порядок, суду отведена активная роль по установлению истины. В таком контексте идея о полном лишении суда активной роли в случае заключения соглашения о сотрудничестве выглядит неоднозначной. Так или иначе институт досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в дополнительном осмыслении.

Подводя итог сказанному, отметим, что институт договора стал общеправовой ценностью, которая в большей или меньшей степени нашла отражение во всех отраслях материального и процессуального права. Нужно учитывать, что любая ценность может быть использована как во благо, так и во вред. В связи с этим подход законодателя и правоприменителя к договорным конструкциям должен быть сбалансированным и учитывать цели правового регулирования, а также индивидуальные особенности конкретного правового порядка.

Библиографический список

URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421476-7>.

URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421494-7>.

URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421600-7>.

References

Available at: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421476-7>.

Available at: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421494-7>.

Available at: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421600-7>.